

Е. Шатъко

К ИСТОРИИ ЛИТЬЯ КОЛОКОЛОВ В БЕЛАРУСИ В XIX – НАЧАЛЕ XX века

В последние десятилетия интерес к истории литья колоколов в Беларуси значительно возрос. Во многом это связано с возрождением религиозных традиций, строительством и реставрацией храмов и колоколен, возвращением в них колоколов.

Впервые вопрос о литье колоколов на территории Беларуси был исследован польским ученым М. Бренштейном в «Очерке истории колоколотейного производства на землях бывшего Великого Княжества Литовского» (1924 г.). Автор перечислил несколько местных мастеров, которые занимались литьем колоколов в разное время. Это Габриель Дорофеевич из Полоцка (XVII в.), Андрей и Вицент Владковские из Ружан (начало XIX в.), Антон Бренгош (вторая половина XIX в.). Бренштейн также назвал белорусские населенные пункты, где работали неизвестные колоколотейные мастера: города Несвиж, Могилев, Слуцк, местечки Логойск, Дубенец.

В 1990-е годы вопросы литья колоколов рассматривали в своих статьях А. Милинкевич и В. Широкова, опирающиеся, в основном, на данные М. Бренштейна.

Между тем материалы, выявленные нами в Национальном историческом архиве Беларуси, позволяют значительно расширить и углубить уже существующие представления.

Судя по некоторым сведениям, приобретение колоколов для православных храмов осуществлялось прихожанами за т. н. «кошельковые» деньги, которые обычно собирались после богослужения. Однако свободно распоряжаться ими прихожане не могли, так как все свои действия они должны были согласовывать с Духовной Консисторией. Как известно, эта церковная организация, созданная в Беларуси в 1744 г., реша-

ла все вопросы, связанные с приобретением, переливкой, продажей, изъятием, пожертвованием, перемещением колоколов и другого церковного имущества.

Духовная Консистория, однако, не всегда благословляла ходатайства о приобретении колоколов. Это могло быть связано с первоочередной необходимостью ремонта храма. Так, в «Прошении Его Высокопреосвященству Господину Евгению, Епископу Минскому и Гродненскому, Архимандриту Слуцкого Троицкого монастыря и Ордена Святой Анны первой степени Кавалера от прихожан Лоевской Троицкой церкви Речицкого повета» от 13 августа 1833 г. верующие писали, что в их церкви было пять небольших колоколов, один из которых «недостаточно крепок» [16]. Поэтому они просили разрешить добавить к последнему колокольного материала и перелить новый колокол весом в 9–10 пудов. Для этой цели прихожане намеревались использовать 350 рублей кошелековых денег ассигнациями. 25 августа Консистория поручила изучить вопрос, нужно ли иметь такой большой колокол либо «сообразно приличию приходской церкви можно довольствоваться и настоящими» [16]. Через месяц в Консистирию поступил «Рапорт» от протоиерея Александра и благочинного священника Симеона (фамилии написаны неразборчиво), в котором они согласились с мнением вышестоящей организации использовать церковную сумму «на поправку самой церкви <...>, а причту и прихожанам <...> предоставить привести в исполнение благое намерение из собственных средств» [16].

В другом архивном источнике – «Нижайшем рапорте Слуцкого уезда местечка Копыль двухштатной Вознесенской церкви священнослужителей со старостою церковным» от 30 ноября 1838 г. [6] – излагалась просьба о необходимости приобретения новых колоколов для церкви взамен разбившихся после пожара 1832 г. В ответе от 14 апреля 1839 г. Духовная Консистория предписала собрать нужное количество кошелековых денег и потом приступить к заключению договора об отливке колокола.

Архивные документы содержат сведения о местных мастерах-литейщиках, которые отливали и переливали колокола в

разных губерниях Беларуси на протяжении XIX – начала XX в. Среди них – Григорий Феодулов Сычевский из м. Петриков; Иоанн Яницкий, Андрей и Мартин Агаповичи из м. Юревичи; Михаил Владковский из м. Заславль; Андрей и его сын Викентий из м. Ружаны.

Обычно колоколотейщики начинали работу с заключения контракта, в котором излагались обязательства заказчика в лице прихожан, состоятельных жертвователей и давались гарантии качества. Так, в 1843 г. Минская Духовная Консistorия рассмотрела «Нижайший рапорт Его Высокопреосвященству Высокопреосвященнейшему Антонию Архиепископу Минскому и Бобруйскому и Кавалеру от Слуцкого уезда Сторобинского Благочиния Священника Иоанна Антиповича» [7], в котором испрашивалось разрешение на использование 100 рублей кошелековых денег на приобретение колокола для Погостской Иоанно-Предтеченской церкви. После получения разрешения прихожане заключили договор с мастером Сычевским и 22 февраля 1844 г. отправили «Рапорт» в Консistorию о покупке колокола весом 9 пудов и 6 фунтов. Однако через несколько месяцев в Консistorию поступил рапорт о том, что на их колоколе, «хорошего материала и частым, далеко слышимым звонком», появилась трещина. Поскольку мастер Сычевский выдал расписку о том, что если в течение года колокол разобьется, он обязуется перелить его бесплатно, то по решению Консistorии треснувший колокол весом в 9 пудов и 6 фунтов доставили мастеру в Петриков на переплавку. Для того чтобы новый колокол не отличался по весу, приняли решение «за добавленный материал на сжиг уплатить ему от церкви по тому договору, который был при отливке» [7, л. 10].

Существование колоколотейной мастерской в Петрикове подтверждает и колокол из хранилища Национального музея истории и культуры Беларуси. На нем имеется надпись на польском языке, свидетельствующая, что он отлит в Петрикове 16 декабря 1811 г. для храма Святых Петра и Павла.

В некоторых случаях нарушение условий контракта приводило к многолетним судебным тяжбам. Например, в «Жалобе

помещика Л. Каменецкого в Минскую Духовную Консисто-
рию» от 14 декабря 1833 г. [15] сообщалось, что 1 марта 1831 г.
он приобрел для Покровской церкви села Устерлова Бобруйс-
кого уезда 2 чугунных колокола, но они очень быстро разби-
лись. Тогда он, «желая стараться о церкви», самовольно снял
их и 10 октября 1830 г. передал мастеру-дьячку Ивану Яниц-
кому. По договору к 1 января 1831 г. оба колокола весом 4 пуда
30 фунтов должны были быть доставлены в церковь с оплатой
мастеру по 2 рубля 75 коп. за каждый пуд, за работу без по-
мощника 4 руб. 14 коп. и за доставку 3 руб. 50 коп. В своей
жалобе в Консистирию помещик скорбно писал: «Прошло уже
3 года, а церковь остается глуха – жалуясь. Прошу отобрать
колокола. Я уже сам постараюсь перелить» [15]. Далее из до-
кумента узнаем, что помещик дал мастеру за работу лошадь и
16 грошей серебром, и «больше ему ничего не следует, он обя-
зан сам доставить колоколы». В «Рапорте в Минскую Духов-
ную Консистирию Пинского Духовного Правления» от 1837 г.
сообщалось, что колокола не доставлены в церковь в связи со
смертью мастера. В этом же году колокола были возвращены
в церковь Люблинским церковным старостой.

В случае невыполнения обязательств контракта заказ пере-
давался другому мастеру (нередко наследнику). Так, в «Кон-
тракте или уговоре с урожденным г. Андреем Владковским на
перелитие колокола» [17], заключенном 6 марта 1819 г. с при-
хожанами Свято-Преображенской Лагишинской церкви, ука-
зывалось, что разбитый колокол весит 171 фунт, 17 из них сто-
рит в процессе литья. Мастеру полагалось выплатить по 1
злотому и 10 грошей за каждый фунт церковного материала и
по 3 злотые и 10 грошей за каждый фунт добавленного. Одна-
ко из-за болезни мастера и его смерти в 1823 г. колокол не был
готов к указанному сроку. В «Жалобе благочинного иерея Иоан-
на Коракевича в Минскую Духовную Консистирию» [17, л. 10 -
об.] сказано, что «по статье 176 и 177 Статей Закона Свода
Гражданских судов обязательство родителей должен выпол-
нить наследник». Поэтому суд обратился к сыну мастера Ви-
кентию, который согласился завершить работу отца. Посколь-

ку дело затягивалось, то в октябре 1835 г. на Викентия Владковского поступил Рапорт в Слонимский Нижний Земский Суд. Ответчик объяснил, что задержка связана с отсутствием нужного количества материала и в своей подписке суду обязался к 1 апреля 1836 г. выполнить заказ и доставить колокол в церковь. Подтверждение о получении долгожданного благовеста общим весом 210 фунтов пришло в Минскую Духовную Консистиорию только 20 октября 1836 г.

Среди архивных источников встречаются дела, в которых мастера выполняли заказы по завещанию. Так, в «Рапорте в Литовско-Виленскую Римско-Униатскую Духовную Консистиорию» [14] в 1826 г. сообщалось, что настоятель Капланецкой церкви Симеон Аксинкевич составил духовное завещание, по которому он жертвовал после своей смерти 27000 польских злотых на приходское училище, богадельню и на 6 колоколов каждый по 100 злотых в шесть греко-униатских церквей. Во исполнение воли усопшего 23 августа 1813 г. С. Аксинкевича экзекутором Ф. Белингвичем было заключено по два контракта с мастерами Андреем и Мартином Агаповичами из м. Юревичи на изготовление колоколов в Баратицкую, Холуйскую, Островецкую, Божинскую церкви и Даниилом Вахнером (Венером) из Вильно – в Блонскую и Величанскую церкви. В расписке, переданной в Консистиорию, сообщалось, что в колоколе для Баратицкой церкви сразу же после его подвески на колокольню оторвались уши и «неизвестно за чей счет <...> переделан, равно и Холуйской церкви тем же угрожая остается без употребления» [14]. По первому контракту с мастером Венером 1819 г. для Блонской церкви был произведен окончательный расчет. Архивные материалы сохранили описание этого колокола: «Весит 12 пудов, окован железом, с надписью большими буквами: Fundator ksiondz Szymon Aksinkiewicz paroch kaplanięcki» (жертвователю – священнику Капланецкой церкви Симеон Аксинкевич), и выше – «R. 1819 – lat J. Waehner w Wilnie» (отлит в 1819 г. мастером Вахнером в Вильно) [11]. Мастер сообщал в Консистиорию, что оба колокола готовы, и просил «прислать Божинских слесарей для оковки, доставки»

и окончательного расчета по второму колоколу. Так как долг не был оплачен, колокола остались у него дома. Уже после смерти мастера в 1839 г. Суд постановил взыскать с исполнителя завещания Ф. Белинговича 414 рублей за колокола, не доставленные к двум церквям. В книге М. Бренштейна сообщается: «Три поколения Венеров лили колокола, но их изделия были из хрупкого материала, часто трескались, рисунок украшений и буквы нечеткие, надписи с ошибками. Их продукция не могла конкурировать с преимущественно хорошими, чистыми и крепкими колоколами Кёнигсбергскими, и даже с российскими» [18, s. 122]. Вероятно, литейщик, помимо технологических недочетов в литье, допускал ошибки в процентном соотношении металлов (меди и олова).

Со второй половины XIX в. в Беларуси появляются колокола с колоколотейных заводов России и Украины. Российские и украинские изделия стоили дороже, однако высоко ценились за продолжительное звучание и богатое внешнее оформление. Иногда эти колокола приобретались на средства богатых жертвователей, которым принародно объявлялось благословение Святейшего Синода. Так, по документам известно, что 1838 г. в Николаевскую церковь села Пережир Игуменского уезда был пожертвован колокол весом 8 пудов 19 фунтов, отлитый в Москве на заводе А. П. Зенькович [5], в 1846 г. в Соборную Воскресенскую церковь города Борисова – колокол завода Н. Самофалова (Киев) весом 27 пудов [8], в 1852 г. в Харькове был приобретен колокол весом 6 пудов и 24 фунта для Якимо-Слободской Николаевской церкви [9], в 1857 г. в городе Чернигове был куплен колокол весом 24 пуда и 31 фунт для Горвальской Троицкой церкви [10], в 1864 г. в Лукскую церковь Новогрудского уезда был доставлен колокол весом 19 пудов и 30 фунтов с надписью «Вылит сей колокол в Москве на заводе Дмитрия Самгина» [12], в 1848 г. для Еремичской церкви Новогрудского уезда куплен колокол весом 10 пудов 12 фунтов [13].

В 1850 г. по Указу Минской Духовной Консистории «О покупке и устройстве колокола в Соборе» были отлиты два ко-

локола-благовестника для Минского Кафедрального Петропавловского Собора. В целях выполнения резолюции Его Преосвященства Иоанникия в Минск пригласили Михаила Алексева – московского мастера с 18-летним стажем. В итоге на колокольне установили два колокола весом 350 пудов и 177,2 пуда [4].

Во второй половине XIX в. в Минске лил колокола Антон Бренгош. Мастерская Бренгоша находилась рядом с его домом по адресу: ул. Кладбищенская, дом 16. Судя по сведениям, почерпнутым из описания его недвижимого имущества (1910 г.), он был «меднолитейщиком и имел мастерскую для отливки колоколов» [3]. «На его колоколах имелись надписи на русском языке. Один из его колоколов среднего размера, без даты, видели в униатской церкви в Райцах Кореличского района, второй – весом в 240 фунтов (98,3 кг) из церкви в Столбцах Минского уезда был вывезен в Россию, а в 1923 г. возвращен Польше» [11, с. 104]. В рекламных газетах того времени мастер писал: «Колокольный завод Антона Ивановича Бренгоша отливает разного веса церковные колокола, отличающиеся приятным и сильным звуком, из доброкачественного материала. Разбитые большого веса колокола могут быть отлиты на месте при церкви. Исполнение работ гарантируется залогом. Колокола высылают без задатка» [2, с. 15]. Кроме того, одним из коллекционеров России недавно был приобретен небольшой колокольчик с надписью: «БРАТЯ *СЛИОЗБЕРГ* ВЪ МИНСКЕ М. Ф. В.» [1, с. 1]. На нем изображены медаль «За трудолюбие и искусство» нижегородской выставки 1885 г. и орел в шестигольнике. (Известно, что купец Первой гильдии Ш. И. Слиозберг проживал в городе Минске и с 1835 г. торговал чугунами и медными товарами в собственном доме по улице Косьмо-Демьяновской.) Именно в его магазине, как утверждают архивные материалы, предлагались в 1850 г. «новые колокола по цене 15 рублей за пуд» [4].

Анализ архивных материалов свидетельствует о том, что в XIX в. кустарное колоколотейное производство было распространено в разных губерниях Беларуси. Однако со второй половины XIX в. оно, в силу невысокого технического и акустического качества местных колоколов, уступило место производству фабричному, получившему развитие в России и на Украине.

Літэратура

1. Колокольный мир: Информационный бюллетень Музея колоколов. 2004. № 7 (31).
2. *Крайнов-Рытов Л.* Колокола-колокольчики. Нижний Новгород, 2002.
3. НИАБ. Ф. 1, оп. 1, д. 5017, л. 16.
4. НИАБ. Ф. 124, оп. 1, д. 42.
5. НИАБ. Ф. 136, оп. 1, д. 13473, л. 1.
6. НИАБ. Ф. 136, оп. 1, д. 13745, л. 2.
7. НИАБ. Ф. 136, оп. 1, д. 17639, л. 2.
8. НИАБ. Ф. 136, оп. 1, д. 20468.
9. НИАБ. Ф. 136, оп. 1, д. 23860, л. 1.
10. НИАБ. Ф. 136, оп. 1, д. 25210, л. 5.
11. НИАБ. Ф. 136, оп. 1, д. 25314, л. 3.
12. НИАБ. Ф. 136, оп. 1, д. 30288, л. 2.
13. НИАБ. Ф. 136, оп. 1, д. 40318, л. 17.
14. НИАБ. Ф. 136, оп. 1, д. 7235, л. 97.
15. НИАБ. Ф. 136, оп. 1, д. 9485, л. 1.
16. НИАБ. Ф. 136, оп. 1, д. 9733, л. 2.
17. НИАБ. Ф. 136, оп. 1, д. 9929, л. 1.
18. *Brensztejn M.* Zarys dziejów Ludwisarstwa w W. Księstwie Litewskim. Wilno, 1924.